

Лин Хао стоял у двери своей комнаты, рука всё ещё лежала на дверной ручке. Ладонь была липкой, словно он испачкался в чем-то. Он взглянул вниз: шоколадный сироп засох, превратившись в темно-коричневую корку, забившуюся под ногти. Он ничего не сказал и не обернулся, лишь тихо толкнул дверь и вошел внутрь.

Дверь с щелчком закрылась. Он привалился спиной к дверному полотну, постоял так несколько секунд, затем снял куртку и небрежно бросил её на стул в углу. Верхний свет в комнате не горел, лишь у кровати светил маленький ночник. Его тусклый желтый свет падал на металлический предмет, лежащий на столе, отражаясь от него мягким блеском.

Лин Хао подошел, сел на край кровати и взял в руки карманные часы.

Медный корпус потемнел от времени, на краях виднелись потертости, но вещь была чистой — сразу видно, что её часто протирали. Большим пальцем он медленно погладил гравировку на крышке — инициалы матери, Юнь Мо. Когда кончики пальцев скользили по этим двум знакам, его дыхание становилось совсем тихим, словно он боялся потревожить воспоминания.

— Ты говорила... что по-настоящему сильный человек — это тот, кто способен защитить хрупкое, — прошептал он, и голос его прозвучал почти как мысли вслух.

Он откинул крышку. Стрелки всё ещё двигались, тикая в тишине, и замерли на отметке двенадцать ночи. Это было время, когда его мать ушла из жизни. Он никогда не переводил стрелки и не собирался этого делать.

В комнате стояла такая тишина, что звук часового механизма был отчетливо слышен. Он запрокинул голову, прислонившись к стене, закрыл глаза, и сознание начало медленно погружаться в пучину.

А потом пришел сон.

Сначала было тепло. Он видел себя маленьким, лежащим в мягкой постели под тяжелым пушистым одеялом. Одна рука ласково похлопывала его, другая нежно гладила по волосам. Мать сидела рядом и напевала песню, слов которой он уже не помнил, но её голос был нежным, как ветер, скользящий по глади озера. Её феромоны пахли звездным небом — холодом и покоем, окутывая его целиком.

Он прижался к ней и услышал:

— Хао-эр, не бойся, мама здесь.

В тот миг он чувствовал себя самым ценным сокровищем в мире.

Но вдруг что-то изменилось. В нос просочился запах — пороховой дым вперемешку с ржавчиной, густой и тяжелый. Температура резко упала, мягкая кровать превратилась в

ледяную землю, силуэт матери начал расплываться и в конце концов исчез вовсе.

На его месте возник Лу Цзинь.

Он стоял посреди руин, голыми руками разрывая грудную клетку мутанта. Его движения были четкими и решительными, лицо забрызгано кровью, а взгляд холодный, как лезвие ножа. Он повернулся к Лин Хао — в его глазах не было эмоций, лишь то самое холодное, расчетливое спокойствие, присущее полю боя.

Лин Хао инстинктивно бросился вперед, желая прижать его к стене, доказать, что здесь он главный. Но в тот же миг Лу Цзинь молниеносно перехватил его запястье и, развернувшись, с силой впечатал его в стену. Удар спиной о бетон был таким мощным, что в глазах потемнело.

Он попытался вырваться, но его прижали еще сильнее. Рука Лу Цзиня легла поперек его горла, тепло тела просачивалось сквозь летный комбинезон, обжигая, словно он вовсе не был омегой. Эти глаза буравили его, казалось, пытаясь прочесть все его скрытые помыслы.

Но в тот же миг Лин Хао вырвался.

Не силой, а каким-то инстинктом. Он схватил Лу Цзиня за плечи, коленом толкнул его в бедро и, используя инерцию, перевернул, прижав к стене. Лу Цзинь глухо застонал, но не стал сопротивляться, лишь посмотрел на него взглядом, полным такой сложности, что Лин Хао не мог его разгадать.

Он тяжело дышал, сердце билось так быстро, что было больно. Но тело не слушалось, оно само тянулось вперед, руки сжимались, губы почти касались шеи другого. Этот порыв был настолько мощным, словно неудержимый шторм.

Он понимал, что делает.

Альфа подавляет омегу. Метка. Обладание. Он хотел присвоить этого человека целиком, заявить самым первобытным способом: ты мой.

Но в тот самый миг, когда он был готов укусить, в голове промелькнуло лицо матери.

Она молча смотрела на него, и в её глазах не было упрека — только разочарование.

Он резко проснулся.

Лин Хао сел на кровати, грудь тяжело вздымалась, лоб покрылся холодным потом, одежда прилипла к телу. Он коснулся груди — пальцы дрожали.

В комнате всё так же горел тусклый свет, карманные часы лежали на прежнем месте, стрелки показывали три ноль две.

Он долго смотрел на них, прежде чем хрипло произнести, словно обращаясь к самому себе:

— Я не ненавижу сражаться... я боюсь стать таким же, как отец, превратить любовь в оружие.

Он вспомнил, что сделал с Лу Цзинем во сне, вспомнил это почти алчное чувство собственности и вдруг горько усмехнулся.

— Оказывается, это не я играл с огнем... это я первым сгорел дотла.

Он поднялся, опираясь на край кровати, и подошел к окну. Снаружи простирался ночной пейзаж базы Сломанного Клинка, прожекторы на башнях шарили по сторонам, словно патрулирующие глаза. Вдали металлические ограждения полигона поблескивали в холодном свете.

Он смотрел на пустую площадку, вспоминая, как Лу Цзинь тренировал отряд днем — статный, решительный, ни одного лишнего слова. В тот момент он был похож на запертый клинок, не позволяющий себе даже лишнего взгляда на других.

А теперь он в его сне был прижат к стене, позволяя ему приблизиться.

Лин Хао потер переносицу и прошептал:

— Лу Цзинь, ты победил. По крайней мере, сейчас... я проиграл тебе.

Он не стал садиться обратно и не вытер пот. Так и простоял до самого рассвета, пока небо не посерело и первые лучи солнца не коснулись оконной рамы.

Он повернулся к шкафу, выдвинул ящик и достал новый комбинезон. Движения были четкими, лицо спокойным, словно ничего из того, что приснилось ночью, не происходило. Лишь когда он поправлял манжеты, его пальцы на миг замерли, коснувшись кармана — там должна была лежать шоколадка, но в этот раз он не стал её брать.

Он подошел к двери, остановился и бросил взгляд на часы.

Они продолжали идти.

Тик-так. Тик-так.

Он открыл дверь, вышел и прикрыл её за собой.

Рассветные лучи только начали ложиться на металлическую ограду полигона, а Лин Хао уже сидел на обломках списанного броневика. Одна нога согнута, локоть на колене, в другой руке он крутил нераспечатанную шоколадку, раз за разом проводя пальцем по сгибам обертки. Эта конфета предназначалась Лу Цзиню, как и прежде — с долей вызова и шутки, но прошлой ночью он так её и не отдал.

Теперь он снова вытащил её.

Не чтобы съесть и не чтобы кому-то подарить, а просто чтобы занять руки — так он не казался себе слишком праздным и приметным.

На плацу поднялась пыль, по команде Лу Цзиня отряд мгновенно рассредоточился. Ши То с тяжелой пушкой взобрался на возвышенность, Линь Яо с щитом уверенно двинулась вперед, Эми быстро запустила дрон для разведки — всё четко, слаженно, без единого лишнего движения. Весь отряд работал как заведенный механизм.

— Капитан Лу, ну и вид! — вдруг громко произнес Лин Хао, ровно настолько, чтобы голос прорезал шум команд и шагов. — Такая мощь — тут не только зомби, тут даже я готов немедленно поднять руки вверх.

Лу Цзинь, расставлявший бойцов, на мгновение замер. Он не обернулся, но мышцы на его шее заметно напряглись, словно он почувствовал что-то неладное. Спустя пару секунд он скосил взгляд на Лин Хао.

Этот взгляд был коротким, но тяжелым.

Никаких эмоций, никакого гнева — скорее, он просто констатировал присутствие постороннего. Затем он отвел взгляд и продолжил командовать, словно голос Лин Хао был лишь шумом ветра под железной крышей.

Уголки губ Лин Хао все еще были приподняты в улыбке, но глаза потемнели. Он знал: для Лу Цзиня такие слова — как укусы комара, зудит пару секунд и проходит. Но он не торопился. Ему не нужно было вывести того из себя прямо сейчас — он хотел, чтобы Лу Цзинь понял: кто-то постоянно стоит на краю поля, следит за каждым его движением и даже может угадать, что он скажет или сделает в следующую секунду.

Он встал, отряхнул брюки от пыли и направился к пункту снабжения.

Линь Яо присела на корточки, сверяя список припасов, в руке у неё был почти исписанный карандаш, которым она что-то черкала на пожелтевшем листе бумаги. Увидев Лин Хао, она слегка кивнула:

— Что-то нужно?

— Просто смотрю, — Лин Хао прислонился к дверному косяку, глядя на стопку бумаг перед ней. — Вы всегда так ведете учет?

— А как еще? — Линь Яо закрыла блокнот. — Система постоянно сбоит, бумажный вариант — самый надежный.

— А график дежурств? Если кто-то отпрашивается?

— Висит на вышке, кто свободен, тот и подменяет.

— Кто отвечает за медикаменты?

— Доктор Чэнь еще не вернулся, пока Эми за него.

Лин Хао не стал больше расспрашивать. Он развернулся, прошел через лагерь и дошел до входа в медицинский отсек. Внутри никого, лишь несколько стеллажей с разрозненными лекарствами, на которых наклеены рукописные этикетки, некоторые уже стерлись. Он несколько секунд смотрел на ряд кровоостанавливающих средств и прекрасно понимал: вся работа этого места держится на одном человеке.

На Лу Цзине.

Если он падет, никто не узнает, кому выдавать следующую порцию лекарств, никто не поймет, где нужно укрепить линию обороны. Это не регулярная армия, это скорее большая семья, скрепленная доверием. Приказы рождаются в совместных боях, а верность — в моментах жизни и смерти, увиденных своими глазами. Протоколы? Стандарты? Нет, этого здесь не существовало.

Он остановился и посмотрел на Лу Цзиня, который всё еще тренировался. Тот одной рукой поднял трехсоткилограммовый имитатор препятствия и легко швырнул его на место, движения были такими плавными, будто он перекладывал деревяшку. Солнце освещало его смуглую кожу, пот стекал по подбородку, скапливаясь влажной дорожкой у ключиц.

Лин Хао вдруг почувствовал, как в груди стало тесно.

Не из-за жары, а из-за осознания: он не хочет видеть, как этот человек падает. Не из жалости и не из высоких идеалов, а просто потому, что если Лу Цзиня не станет, база погибнет. А он с таким трудом нашел место, где его сердце начинает биться быстрее — как он может позволить ему рухнуть?

Он вернулся в свою комнату, запер дверь и достал из ящика старые часы.

Крышка открылась, стрелки замерли на трех ноль двух — в тот самый миг, когда он проснулся. Он посмотрел на них и тихо сказал:

— Я пришел сюда не для того, чтобы сбежать... я пришел, чтобы за что-то ухватиться.

Сказав это, он захлопнул крышку, открыл самый нижний ящик и положил часы внутрь. Когда он поднялся, его воротник был поправлен, а в глазах отраженного в зеркале человека больше не было ленивой усмешки — только ясность и невиданная доселе решимость.

Он вышел из комнаты и направился по коридору в сторону штаба. Проходя мимо полигона, он увидел, что Лу Цзинь закончил тренировку и строил отряд, готовясь к роспуску. Лин Хао не стал окликать его или приближаться, он просто стоял в стороне, наблюдая, как тот вытирает пот со лба и отдает последнюю команду.

Затем Лу Цзинь повернул голову и посмотрел на него.

В этот раз Лин Хао не улыбнулся.

Он просто слегка кивнул, словно подтверждая, что решение принято.

Лу Цзинь нахмурился, видимо, не поняв смысла жеста, но расспрашивать не стал и направился к штабу.

Лин Хао пошел следом, держась на расстоянии, шаги были ровными. Его правая рука была в кармане куртки, пальцы касались маленького зашифрованного чипа. Это была резервная копия данных, которую он прошлой ночью тихо извлек из обломков летательного аппарата — там содержалась информация о недавних перемещениях сил Крепости Надежды. Изначально он хотел обменять её на припасы, но теперь у него были другие планы.

Он мог предложить это на совещании, поделиться информацией в качестве партнера и таким образом войти в круг принимающих решения лиц. Не ради власти, а чтобы база не развалилась в случае отсутствия одного человека. И ради того, чтобы этот человек, что бы ни случилось, не оставался один на один с бурей.

Он завернул за последний угол коридора и увидел у входа в штаб двух охранников. Остановился, поправил рукав, проверяя, надежно ли спрятан чип.

Дверь открылась, вышла Линь Яо и, увидев его, замерла:

— Ты чего здесь? Совещание через десять минут.

— Как раз вовремя, — улыбнулся Лин Хао. — У меня есть пара идей, хотел обсудить их лично.

Линь Яо окинула его взглядом, не стала расспрашивать и отошла в сторону, пропуская внутрь.

В комнате было светло, за длинным столом уже сидели ключевые члены отряда. Лу Цзинь сидел во главе стола, просматривая отчет. Услышав шум, он поднял голову, его взгляд остановился на Лин Хао.

— Зачем пришел? — голос был ровным, без враждебности, но и без радушия.

Лин Хао подошел к столу, отодвинул стул и сел, сложив руки на столешнице.

— Я хочу поговорить о будущем Сломанного Клинка, — сказал он.

<http://bllate.org/book/19386/1896282>